

КАЗАНСКИЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№4 2012

Казань - 2012

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

07.00.02

М.В. Берсенев к.и.н., Н.А. Грик д.и.н., М.Ю. Ким к.и.н., А.Г. Костерев к.и.н.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники»,
кафедра истории и социальной работы,
vojnes@yandex.ru, grik_na@mail.ru, max198210@yandex.ru, antonkosterev@rambler.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ СОВЕТСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

В статье рассматриваются социальные аспекты советской модернизации в период конца 1920-х – начала 1960-х гг. Основной акцент делается на социальной и научно-технической политике советского государства. Делается вывод о тесной взаимосвязи развития научно-технического потенциала советского государства и его социально-экономического развития.

Ключевые слова: *модернизация, социальная политика, Советское государство.*

В настоящее время в российском обществе проходит дискуссия о необходимости и путях системной модернизации государственного и общественного организмов. Как следствие, в историческом дискурсе вновь актуализируется теория модернизации. Однако долгое время упор делался на изучение организационно-политической, либо же сугубо экономической сторонах модернизационных рывков. При этом научным вниманием, как правило, обделялась социальная политика.

Обеспеченность населения жильем является одним из важных аспектов материального благополучия народа. Особенно остро проблема жилищного обеспечения встала перед государством в 1930-е гг. Промышленное освоение регионов СССР потребовало концентрации значительных трудовых ресурсов, что вызвало бурный рост городов и рабочих поселков. Стоит согласиться с В.П. Андреевым, который на примере городов Кузбасса показал, что советские промышленные города в 1930-е гг. не сложились в органичную социальную общность. В силу особых государственных приоритетов они представляли собой поселения при заводах и шахтах. Социокультурные аспекты градостроительства не учитывались ни проектировщиками, ни руководством страны [2. С. 19].

В условиях, когда жилье принадлежало предприятиям, оно становилось мощным средством воздействия на рабочего. Коммунальный быт, по мнению М.Г. Мееровича, наиболее соответствовал целям власти, механизму ее идеологического воздействия. Традиционные формы хозяйственно-бытового освоения жилого пространства (коттеджная застройка, квартиры посемейного заселения и т.д.) противоречили нужному образу бытового поведения. Поэтому они были отвергнуты, а массовое государственное строительство сориентировано на возведение многоэтажных многоквартирных домов покомнатно-посемейного заселения [5. С. 489-491]. В такой тенденции можно усмотреть желание руководства быть в курсе всего происходящего не только на производстве, но в частной жизни своих граждан.

Решение жилищного вопроса проходило одновременно с началом становления самих промышленных предприятий. Особенно это было характерно для восточной территории СССР, где материально-техническая база, подготовленные кадры к началу тридцатых годов практически отсутствовали. Изначально неблагоприятные условия, с одной стороны, и интенсивный приток рабочей силы в регионы, с другой – предопределили массовое

строительство некачественного жилья. Постепенное развитие местного производства с середины 1930-х годов позволило приступить к строительству капитального благоустроенного жилья. Однако к началу Великой Отечественной войны массовое строительство такого жилья не получило развития.

Следующим аспектом социальной политики было здравоохранение. Основной задачей Советской власти в этой области стало расширение сети медицинских учреждений и улучшение качества лечебно-профилактической помощи. Основанием для такого развития стало постановление ЦК ВКП(б) от 18 декабря 1929 г. «О медицинском обслуживании рабочих и крестьян» [7]. В данном документе были отмечены как достижения здравоохранения, так и его недостатки основным из которых было отставание развития здравоохранения от роста народного хозяйства и потребностей трудящихся.

В медицинском обслуживании, несмотря на заявленный принцип «общедоступности», государство оставляло за собой право расставлять приоритеты в обслуживании населения [6. С. 361]. Например, сотрудники ОГПУ не раз отмечали, что в период эпидемий имеющиеся медицинские силы направлялись главным образом в рабочие районы, в то время как колхозы совершенно выпадали из их поля зрения. Такая избирательность в итоге снижала эффективность проводимых мероприятий, поскольку болезнь из колхозов переносилась в рабочие районы и крупные населенные пункты. В больницах также проводилась «классовая линия»: шахтер, шахтер-ударник, а также их семьи, принимались на лечение безотказно в первую очередь [3. Л. 68].

Таким образом, в медицинском обслуживании населения в исследуемый период наблюдалась неоднозначная ситуация. В регионах появилась система здравоохранения, которая поставила медицинское обслуживание на новый уровень. Однако эта система ориентировалась, прежде всего, на количественные показатели: количество больниц, койко-мест, травмпунктов и т.д. Основной принцип советского здравоохранения – общедоступность – на деле соблюдался не всегда.

Традиционное для отечественной историографии 1980-1990-х гг. представление об отношениях советской науки и власти в «страдательном залоге» видится всё менее и менее адекватным. В силу этого, интересно проанализировать коммуникации советского социума в лице государственной власти и интеллектуальной элиты, частично представленной научно-педагогическим сообществом. Увеличение научного потенциала СССР, с одной стороны, способствовало увеличению энергии модернизационного рывка, а с другой – в долгосрочной перспективе ставила перед государством новые и сложные социальные задачи.

Особый акцент в рассмотрении места и роли научно-педагогического сообщества в советской модернизации целесообразно сделать на анализе социально-политической эволюции представителей физической науки, ставшей своего рода локомотивом индустриализации. Несмотря на свою относительную «сословную» привилегированность, советские физики практически постоянно находились под морально-психологическим прессом. Физическое знание в бурно развивающемся советском государстве получало непропорционально большие вливания и поддержку со стороны власти.

Ситуация во взаимоотношениях между советской властью и научно-педагогическими кадрами начинает меняться с середины 1920-х гг., и связано это со взятием большевистским руководством курса на индустриализацию и с сопряженными с этим определёнными изменениями политики в сфере науки и высшего образования. В истории советской науки это время её институционализации. Это само по себе выводило физическую элиту на принципиально новый уровень: рост финансирования, создание необходимых условий для проводимых исследований и известные гарантии их стабильности. При этом начало 1930-х гг. не принесли кардинальных перемен для научно-педагогического сообщества в материально-бытовом отношении, оно напрямую зависело от степени и скорости их интеграции в трансформирующийся социум.

Следующий этап отношений с властями непосредственно связан с резкой сменой научно-образовательной политики государства в 1933 г. Период леворадикальных реформ в науке и

системе высшего образования завершился очевидным крахом революционных надежд, уступив место консервативной политике. Большинство представителей физического сообщества чувствовали себя всё более уверенно и к середине 1930-х гг. сумели получить от Советской власти известные профессиональные преференции, а также привычный образ существования науки в обществе и способ существования учёного в научном сообществе.

В 1950-1960-е гг. именно научно-образовательная политика Советского государства способствовала формированию достаточно широкого слоя критически мыслящих людей. Образованные люди стремятся к рациональному улучшению своей жизни, к карьерному росту. Однако в советском обществе каналы вертикальной мобильности всегда находились под жестким контролем бюрократических систем. Внутренние механизмы развития купировались [4. С. 103]. В полной мере это относилось и к советской научно-технической сфере.

В 1950-е гг. стандарты потребления оставались низкими. Так, 2/5 доходов рабочего уходило на питание [4. С. 155]. Условия быта рабочих, возможно, кроме тех, кто жил в столичных центрах, также не соответствовали стандартам современности. К примеру, многие работники угольной промышленности Кузбасса проживали в общежитиях, каркасно-насыпных сооружениях, землянках, в условиях большой скученности [8. С. 197]. Это приводило к большой текучести кадров, коллективы не складывались, а предприятия работали неритмично. Страдало и санитарно-гигиеническое обеспечение, и снабжение рабочих.

С помощью реформ 1950-х – начала 1960-х гг., хотя и несбалансированных, непродуманных, власти пытались исправить социальную ситуацию. Наиболее активно решался жилищный вопрос. Отдельная квартира превратилась в привлекательную цель для миллионов советских граждан [8. С. 158]. Однако проблема оказалась очень «запущенной». Так, в Карагандинском угольном бассейне очередь на получение жилья за 1970-е – 1980-е годы не уменьшилась, а увеличилась с 8720 до 22000 человек [1. С. 175].

Таким образом, перекосы в социальном развитии при совершении страной модернизационного рывка тормозили развитие всей общественной системы. И здесь социальная политика выходила на первый план, а ее отдельные акторы постепенно разрушали советский режим, поскольку все меньше удовлетворяли советских людей, что и привело к краху СССР.

Список литературы

1. *Алтаев А.Ш.* Социальное развитие рабочих Карагандинского угольного бассейна в 1970-1980-е годы. Алма-Ата: Гылым, 1990.
2. *Андреев В.П.* Рост городов Кузбасса в 1930-е гг. и вопросы становления городского образа жизни // Проблемы истории Кузбасса: материалы научно-практической конференции. Прокопьевск, 2002.
3. Государственный архив Карагандинской области (ГАКО). Ф. 30. Оп. 1 Д. 9.
4. *Косова Л.Б.* Нереализованные возможности (механизм мобильности в советском и постсоветском обществе) // Общественные науки и современность. 2009. № 6.
5. *Меерович М.Г.* Социально-культурные основы осуществления государственной жилищной политики в РСФСР: 1917 – 1941 гг.: Дисс. ... доктор ист. наук. Иркутск, 2004.
6. *Мирский М.Б.* Медицина России X-XX веков: Очерки истории. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. – 632 с.; ил.
7. Правда. 1929. 19 дек.
8. Угольная промышленность Кузбасса. 1721-1996. / под ред. К.А. Заболотской. Кемерово: книжное издательство, 1997.